
А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯПОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Пищевые и ресурсные основы формирования японской цивилизации

Ставшее общим местом утверждение о бедности Японского архипелага ресурсами верно только с существенными оговорками. Длительные периоды автаркического и полуавтаркического существования (сокращение связей с материком в IX–XII вв. и почти полная самоизоляция при сёгунате Токугава, 1603–1867) доказывают, что при сложившемся комплексе хозяйственной адаптации Япония не испытывала существенной потребности в новых территориях, а ее ресурсы были вполне достаточны для обеспечения замкнутого доиндустриального цикла жизнедеятельности. Сложившийся способ хозяйствования был способен удовлетворить не только первичные физиологические потребности человека, но и в состоянии генерировать высокоразвитую культуру, которая невозможна без достаточного уровня прибавочного продукта. И в этом смысле Японию можно квалифицировать не как островное государство, а как маленький материк.

Знаменитый просветитель и мыслитель Фукудзава Юкити (1834–1901) отмечал: «Наша Япония представляет собой далекую островную страну, находящуюся к востоку от Азии. В прежние времена она не вступала в сношения с другими государствами. Она питалась и одевалась только тем, что порождала ее земля, и не чувствовала ни в чем недостатка. Но с прибытием в годы Каэй (1848–1854 г. – *А. М.*) американцев началась торговля с иностранными государствами, и дело дошло до того, что мы сейчас видим перед собой» (*пер. Н. И. Конрада*). Расшифруем: Фукудзава Юкити имел в виду то, что теперь современная ему Япония стала создавать тяжелую промышленность, для развития которой у нее действительно

не было достаточных ресурсов. А поскольку не было и денег, то это и подтолкнуло Японию к внешней экспансии.

Японская цивилизация представляет собой уникальный случай в мировой истории, когда удалось достичь высокой степени развития культуры без обращения к скотоводству как к главному источнику животного белка. Заливное рисосеяние и рыболовство составили ту пищевую основу, на фундаменте которой и было возведено здание японской цивилизации. Такая модель складывается постепенно.

Начало морского промысла (добыча моллюсков, лов рыбы) отстоит от нас на 10 тысяч лет. В это время морской промысел сочетался с охотой и собирательством. Формирование производящего типа хозяйствования и начало возделывания риса датируется приблизительно III в. до н. э. Стратегический отказ от животноводства относится к IX–X вв. н. э. Начиная с этого времени можно говорить о том, что пищевая основа японской цивилизации приобрела свой законченный вид. Она не претерпела кардинальных изменений вплоть до «обновления Мэйдзи» (1867 г.).

Рисосеяние было принесено переселенцами с юга Корейского полуострова. Хотя население архипелага занималось возделыванием и других агрокультур, рис долгое время выступает в качестве всеобщего эквивалента и до сих пор играет роль одного из национальных символов. Для цивилизации и культуры Японии укоренение рисоводства имеет колоссальное значение. Оно не только создало возможности для увеличения количества прибавочного продукта и устойчивого роста населения (рис является потенциально наиболее урожайной культурой среди всех зерновых, за исключением кукурузы), но и способствовало формированию «комплекса оседлости». Это связано с тем, что возделывание риса достаточно трудоемко и требует строительства определенных ирригационных сооружений. Поэтому считалось, что покидать землю, в которую вложено столько труда, можно только в крайнем случае. Только в условиях жесткой установки на оседлость можно было, подобно видному идеологу Хирата Ацутанэ, утверждать, что иноземцы ищут возможности установить торговые отношения с японцами, поскольку они живут в бедных странах, а японцам не следует куда-

нибудь путешествовать и искать новых контактов, потому что они ни в чем не нуждаются.

Возможность «полноценного» пищевого существования без выращивания скота объясняется тем, что прибрежные воды архипелага чрезвычайно богаты пищевыми ресурсами. В настоящее время в прибрежных водах архипелага обитает 3492 вида рыб, моллюсков и морских животных (в Средиземном море – 1322, у западного побережья Северной Америки – 1744). Морской промысел в прибрежной зоне был не просто дополнительным источником питания по отношению к продукции сельского хозяйства. Он являлся необходимым фактором его полнокровного развития. Морской промысел (включая добычу водорослей и моллюсков) был для японцев основным источником животного белка, микроэлементов, соли (залежи каменной соли на территории архипелага отсутствуют). Мелкая рыба и водоросли использовались также в качестве удобрений для суходольного земледелия. Это позволяет говорить о фактическом (и притом весьма значительном) увеличении территории, подверженной интенсивному хозяйственному освоению.

Животноводство в Японии показало свою малую пищевую эффективность в силу ограниченности равнинных участков суши. Что касается гор, то их крутизна и высокая степень вегетации (ввиду теплого и влажного климата) также препятствовали созданию пастбищ и развитию животноводства. Выращивание коров практически прекращается к X в. Коневодство получило определенное развитие в период междоусобных войн, но с установлением мира в период Токугава поголовье лошадей драматически сокращается (к концу этого периода единица скота приходилась на двадцать хозяйств).

Сочетание растениеводства (с упором на рисосеяние) и морского промысла сумело обеспечить постоянный рост населения, которое стало сокращаться только в последние годы в связи с факторами, которые не имеют отношения к пищевому обеспечению.

Динамика численности населения Японии

Периоды	Количество населения (в млн чел.)
1	2
Начальный Дзё:мон (15500–5000 гг. до н. э.)	0,02
Ранний Дзё:мон (5000–3500 гг. до н. э.)	0,11

Окончание табл.

1	2
Средний Дзё:мон (3500–2400 гг. до н. э.)	0,26
Поздний Дзё:мон (2400–1000 гг. до н. э.)	0,16
Финальный Дзё:мон (1000–300 гг до н. э.)	0,08
Яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.)	0,6
VI в.	5,4
VIII в.	6–6,5
X в.	7
XI в.	9
XII в.	10
Начало XVII в.	12
1650 г.	17,2
1710 г.	27,7
1756 г.	26,1
1792 г.	24,9
1804 г.	25,5
1846 г.	26,9
1872 г.	33,1
1920 г.	55,9
1940 г.	71,8
1960 г.	93,7
1980 г.	116,4
1992 г.	123,5

Недра Японии действительно бедны минеральными ресурсами. Это привело к тому, что уже на достаточно раннем этапе начали появляться ресурсосберегающие и одновременно зачастую трудозатратные технологии. Богарное рисосеяние было вытеснено заливным, которое требует намного больших трудозатрат. Уже в древности бронзовые буддийские статуи были в значительной степени вытеснены чрезвычайно трудозатратными лаковыми. Металлические бытовые предметы были большой редкостью (ножи зачастую изготавливались из дерева, лопаты делались из дерева с металлической окантовкой). На рынках столицы Нара (710–784) продавалась исписанная бумага, использовавшаяся покупателем на «оборотки». Одноразовые бамбуковые таблички, которые использовались в Китае для записей, японцы стали делать из более мягко-

го дерева, предусмотрев их повторное использование (запись соскабливалась и на ее месте писалась новая). Одежда, изготовленная из бумаги, не была редкостью. Предметный мир японцев был представлен по преимуществу изделиями, сырьем для изготовления которых служило дерево, растительные волокна (возобновляемые ресурсы) и глина (ее запас можно принять за неисчерпаемый). Камень в строительстве употреблялся в ограниченной степени (ввиду угрозы землетрясений). В сфере бытовой культуры получают распространение компактные и складывающиеся предметы (ширма, изобретенный в Японии складной веер и т. п.).

Несмотря на огромную важность моря в деле обеспечения пищевыми ресурсами, японская государственная официальная культура делала морской промысел предметом своего внимания в минимальной степени. Считая себя государством, прежде всего, земледельческим (рисопроизводящим), японское государство всегда уделяло основное внимание контролю над сельскохозяйственным населением. Оно постоянно занималось регулированием земельных отношений, предоставляя рыбакам достаточно большую свободу в их хозяйственной деятельности. Главные конфликты японской истории затрагивали, в основном, именно земледельческое население (ввиду естественной ограниченности земельных ресурсов), а море, пищевые ресурсы которого вплоть до Новейшего времени можно принять за неисчерпаемые, не становилось источником конфликтных ситуаций.

Наряду с людьми, земля представляет собой основной ресурс традиционного общества. В VIII в. была принята система наделного землепользования, когда вся земля была объявлена государственной собственностью. Земля распределялась в зависимости от пола и возраста – для крестьян, в зависимости от ранга и должности – для чиновников. Однако весьма быстро эта система стала давать сбои, и земля стала переходить в частное владение. Ее собственником выступал, как правило, коллектив – семья, род, двор, синтоистское святилище, буддийский храм, что резко снижало возможности по ее отчуждению и перераспределению. В этих условиях основным источником перераспределения земли становилась военная сила. История кровавых междоусобиц XV–XVI веков показывает, что за это время класс собственников земли сменился полностью.

Чтобы избежать этого в дальнейшем, достигший стабильности сёгунат Токугава принял для основной части военного дворянства систему «рисовых пайков». Не владея землей и не имея права на это, самураи получали постоянный доход в рисе (выплачивался сюзереном), которым они пользовались по своему разумению (потребляли, обменивали и продавали). Таким образом, создалась уникальная ситуация, когда основная часть привилегированного сословия была лишена доступа к средствам производства.

Ландшафтная специализация хозяйства и обменные процессы

На территории Японского архипелага не существует точки, откуда расстояние до моря или океана превышало бы сто плюс несколько десятков километров. Рельеф являет собой сочетание гор (около 75 % суши) и равнин, разделенных горными отрогами. Причем на любом широтном срезе представлены как равнинные, так и горные участки. Таким образом, каждый из регионов Японии, расположенных на одной широте, обеспечивает территориально близкое сосуществование трех зон, трех хозяйственно-культурных комплексов: морской (рыболовство, собирательство моллюсков и водорослей, выпаривание соли), равнинный (земледелие с упором на заливное рисоводство) и горный (охота, собирательство, богарное земледелие, лесоводство).

Как показывает история мирового хозяйствования, каждый из этих укладов может быть вполне самодостаточным. Но их физическая приближенность друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между их обитателями, что выразилось в достаточно ранней специализации типов хозяйствования и в интенсивных обменных процессах (товарных и интеллектуальных). Природные условия архипелага предопределили и значительную изолированность друг от друга отдельных регионов. Начиная по крайней мере с VII в. и вплоть до «обновления Мэйдзи» (1867 г.) политико-административная карта Японии неизменно представляла собой структуру, образованную 60–70 провинциями. Подавляющее большинство из них располагало выходом к морю, а также имело в своем составе как равнинные, так и горные участки, что делало эти провинции в значительной степени самообеспечивающимися. Самообеспеченность ресурсами

явилась предпосылкой политического сепаратизма. Без всяких оговорок о «единой Японии» можно говорить лишь после «обновления Мэйдзи».

Кроме того, следует отметить большую протяженность Японского архипелага. Узкая гряда островов вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад в пределах от 45 до 24 градуса северной широты, что обеспечивает сильно различающиеся между собой экологические условия обитания населения разных регионов этой страны, чему способствует и обилие гор, служащих естественным консервантом локальных особенностей стиля жизни. Еще в прошлом веке обитатели севера и юга Японии испытывали значительные лингвистические затруднения при общении друг с другом. Не изжиты они окончательно и в настоящее время.

С древности и до второй половины XIX в. из зоны «японской» культуры и истории в значительной степени выпадает Хоккайдо, где невозможно рисоводство, а японское государство было заинтересовано, в первую очередь, в освоении потенциально рисовыращивающих территорий. Архипелаг Рюкю в силу его удаленности от Кюсю и Хонсю также ведет вполне независимое культурно-хозяйственное и историческое существование и попадает в сферу влияния Японии только после присоединения к ней в 1879 г., когда была образована префектура Окинава.

Японские реки, берущие свое начало в горах, обладают короткой протяженностью, бурны, текут почти исключительно в широтном направлении. Вследствие этого их значение в качестве транспортных и информационных артерий было ограничено, и они не играли той объединяющей роли (хозяйственной и культурной), характерной для великих рек других цивилизаций (Нил, Янцзы, Волга и т. д.). Альтернативу речному сообщению составляли прибрежные морские пути и, в особенности, сухопутные дороги. Их строительство активизируется в периоды сильной централизованной власти.

Количество городов и их качественное состояние являются одной из важнейших характеристик интенсивности обменных процессов, на которые прямое воздействие оказывает плотность населения. Первые города появляются в стране в начале VIII в. В течение длительного времени формирование городов напрямую зави-

сит от местоположения управленческих структур. Основным типом города был «призамковый город», выросший вокруг княжеского замка. Поселения городского типа и сопутствующая им инфраструктура возникали также вокруг популярных святилищ и храмов, служивших местом паломничества. Иными словами, степень развития хозяйственной специализации (ремесленной, сельскохозяйственной, региональной) и производительности труда были явно недостаточны для спонтанного роста городов. Ситуация резко меняется в период Токугава, когда наблюдается значительная концентрация населения более чем в 200 городах, в которых проживало около 15 процентов населения. Основными городами в период Токугава были: крупнейший город мира Эдо (более 1 миллиона человек), Киото и Осака (около 500 тысяч).

Такой рост городов был связан с несколькими обстоятельствами: 1. После длительного периода междоусобных войн страна обрела мир и получила возможность сосредоточиться на экономической деятельности. 2. Значительно повысилась производительность труда в сельском хозяйстве (урожайность возросла в три раза), что дало большие возможности для хозяйственного разделения труда и торговли. 3. Военному сословию самураев было запрещено заниматься любым производительным трудом, владеть землей и обрабатывать ее. 4. Для лучшего контроля над князьями сёгунатом была принята система заложенничества, когда все князья-даймё вместе со своими многочисленными свитами, охраной и челядью были обязаны находиться в столице определенное время (обычно они попеременно жили у себя и в Эдо по одному году). В связи с этим значительная часть населения стала концентрироваться в городах, что дало сильнейший импульс развитию сферы обслуживания (магазины, гостиницы, харчевни, бани, публичные дома), зрелищной инфраструктуры (театры), книгопечатания. Существовали сотни издательств, тираж в 15 тысяч экземпляров не был редкостью, появилось множество профессиональных писателей.

Япония и внешний мир

Вся история Японии доказывает, что японцы не желали выходить за пределы архипелага и не прилагали существенных усилий для усовершенствования своих плавательных средств, ибо весь мо-

дус их адаптации к вмещающему ландшафту предполагал интенсивные способы ведения хозяйствования, в то время как, например, скотоводческий комплекс Англии (с которой – далеко не всегда корректно – принято сравнивать Японию) буквально «выталкивал» часть ее населения во внешний мир. Японцы же, постоянно расширяя посевы заливного риса, совершенствуя агротехнику и способы рыболовства, достаточно с середины VII в. решительно вступили на интенсивный путь развития. Замкнутости геополитического существования Японии не могла помешать даже исключительная бедность архипелага минеральными ресурсами (собственно говоря, кроме песка, глины, камня, дерева, воды и воздуха Япония не располагает сколько-нибудь значимыми природными непищевыми ресурсами).

Несмотря на бедность непищевыми ресурсами, вплоть до Новейшего времени японцы не предпринимали сверхусилий ни в активизации международной торговли, ни в приобретении этих ресурсов насильственным путем, предпочитая довольствоваться тем, чем они располагают. Самоизоляция была прервана лишь во второй половине XIX в. после насильственного открытия страны, серьезного знакомства с Западом и началом промышленного развития по европейскому ресурсопотребляющему типу, что потребовало минеральных ресурсов в том количестве, которое территория Японии обеспечить уже не могла. Отсюда – империалистическая экспансия, начавшаяся после Мэйдзи и закончившаяся полным поражением во Второй мировой войне.

Чтобы получить представление о том, насколько пассивно относились традиционные японцы к внешнему миру, достаточно отметить, что первая попытка непосредственного проникновения на родину одной из основных религий Японии – буддизма – была предпринята лишь во второй половине IX в. (путешествие в Индию сына императора Хэйдзэй принца Такаока, которое завершилось его смертью в пути).

Япония на протяжении почти всего известного нам исторического периода осознавала себя как периферию цивилизованного мира и никогда, за исключением ранней стадии формирования государственности и последних полутора столетий, не претендовала на роль культурного, политического и военного центра, не пред-

принимала сколько-то серьезных попыток повлиять на события на континенте вплоть до «обновления Мэйдзи». Распространенные в Японии средневековые карты мира (они имели буддийское происхождение) неизменно помещали Японию не в центре мира, а на его периферии. Существовавший внутри общества потенциал воинственности и агрессивности был направлен внутрь страны, а не вовне, самурайская «армия» сёгунов Токугава фактически превратилась в разновидность полиции, что было возможным только в условиях длительного отсутствия внешней угрозы.

Если учесть, что основной внешний партнер Японии, Китай, напротив, обладал гиперкомплексом своей «срединности» (и сопутствующей ему незаинтересованностью в делах японских «варваров»), то станет понятно, почему потоки информации, направленные с континента в Японию и из Японии во внешний мир, до самого последнего времени не были сопоставимы по своей интенсивности. В процессах культурного обмена Япония всегда выступала как реципиент, а не как донор. Произошедшее в последнее время уравнивание этих потоков является колоссальным достижением.

Общепризнанным является факт широкого заимствования японцами достижений континентальной цивилизации практически на всем протяжении истории этой страны. Трудно обнаружить в традиционной японской культуре и цивилизации хоть что-то, чего были лишены ее дальневосточные соседи (свои континентальные прототипы обнаруживают знаменитые «типично японские» сухие сады камней, чайная церемония, бонсай, икэбана, дзэн-буддизм, каратэ и т. д.). Даже «национальная религия» – синтоизм – является во многих сферах продуктом взаимодействия автохтонных верований с даосизмом и буддизмом. Тем не менее японская культура всегда была именно японской. Мы хотим сказать, что своеобразие культуры проявляется не столько на уровне изолированно рассматриваемых «вещей» или «явлений», сколько в характере связей между ними, из которых и вырастают доминанты той или иной культуры.

Чрезвычайно важно, что заимствования осуществлялись Японией на большей протяженности ее истории совершенно добровольно, а значит, Япония имела возможность выбора – заимствова-

лись и укоренялись лишь те вещи, идеи и институты, которые не противоречили уже сложившимся местным устоям. В этом смысле Япония до 1867 г. может считаться идеальным «полигоном» для исследований межкультурных влияний, не отягощенных актами насилия или же откровенного давления извне.

«Открытие» страны, связанное с событиями «обновления Мэй-дзи», произошло под влиянием непосредственной военной опасности, грозившей со стороны Запада. Послевоенное же развитие в очень значительной степени определялось статусом страны, потерпевшей поражение во Второй мировой войне, и оккупационные власти имели возможность непосредственного контроля над государственной машиной Японии. До этих же пор Япония, скорее, ждала, что мир «откроет» ее, чем искала сама пути к сближению с ним. Подобная закрытость приводила к консервации особенностей местного менталитета и стиля жизни, вырабатывала стойкое убеждение в некоей «особости» Японии, ее культуры и исторического пути. Такая самооценка, в плену которой подсознательно находятся и очень многие западные исследователи (не говоря уже о массовом сознании), значительно препятствует адекватной интерпретации историко-культурного процесса в этой стране. В качестве дополнительной сложности следует привести также и ограниченность источниковедческой базы. Изоляция Японии привела к тому, что большей части ее истории и культуры мы располагаем исключительно японскими источниками со всеми вытекающими отсюда ограничениями.

Японская цивилизация и письменная информация

Физическая изолированность Японии от материка отнюдь не означала, что японцы не знали о событиях в соседних странах (в первую очередь, это касается Китая и Кореи). Контакты осуществлялись постоянно, причем не столько на уровне товарообмена (который ограничивался по преимуществу товарами престижной экономики – предметами «роскоши»), сколько на уровне идей, know-how (технологического и управленческого плана), то есть на уровне информационном. В связи с тем, что количество путешественников на материк никогда не было слишком большим, особую значимость приобретали письменные каналы распространения

информации. Управленческая элита, а затем и более широкие слои населения полагали, что главным средством получения важной информации является письменный текст.

Образовательная инфраструктура, первоначально созданная государством в конце VII – VIII в. (школы, готовившие чиновничий аппарат), приходит в упадок к X в. и претерпевает значительные изменения в своих формах (домашнее образование, школы при буддийских храмах, частные школы и т. д.). Однако неизменным оставалось одно – престиж письменного слова и повседневное функционирование его в качестве носителя информации, установка не только на престижность учения, но и на его необходимость. Уже первые христианские миссионеры, побывавшие в Японии в XVI–XVII вв., отмечали необычайную тягу японцев к учению. Так, Алессандро Валиньяно писал в конце XVI в.: «Даже несмотря на то, что латынь столь непривычна для них... по своей натуре они настолько способны, искусны, обучаемы и прилежны, что это вызывает удивление, поскольку даже дети находятся в классе по три или четыре часа на своих местах не шелохнувшись, как если бы то были взрослые люди...».

Престиж письменного слова, в значительной степени эквивалентного культуре вообще, поддерживался тем, что сам император рассматривался в качестве «культурного героя». Тэнно получал домашнее образование, к престолонаследнику прикреплялся какой-нибудь признанный знаток китайской традиции. Среди императоров было немало стихотворцев (японская элита почитала стихи гармонизирующим общественным фактором); император Сага (809–823) получил признание как величайший каллиграф своего времени; Кадзан (984–986) славился как художник; летописи и поэтические антологии составлялись по императорскому указу; при дворе под патронажем императора проводились поэтические и музыкальные турниры, придворные соревновались в живописи, сочинении прозы, составлении ароматов и многом другом. Тэнно считался «культурным героем» (покровителем знания, наук, стихотворчества).

В связи с этим и весь чиновничий аппарат был ориентирован, в частности, на практическое внедрение «передовых» методов агротехники и ремесла, то есть знание активно использовалось в каче-

стве одной из составляющих хозяйственного (экономического) процесса. Государство поощряло и наиболее успешных в хозяйственном отношении крестьян. При этом основным признаком культуры, в соответствии с китайскими представлениями, является овладение письменностью. Высочайшая ценность учения осознавалась на всех уровнях. В своем политическом завещании Токугава Иэясу указывал: «Хоть наш Двор – это та земля, что славится от времен [первоимператора] Дзимму, но в культуре и науках уступает иным краям. Устроив надлежащим образом школы, тем самым нужно и должно прославить расцвет страны и [правлящего] дома»¹.

Информационные процессы еще до прихода европейцев осуществлялись в Японии с большой степенью интенсивности. В первой половине XIX в. степень грамотности японцев практически не отличалась от передовых стран Европы и Америки того времени (40 % среди мужчин и 15 % среди женщин). И это при том, что обязательного образования еще не существовало. Высокий общественный статус знания, готовность к постоянному обучению явились едва ли не главными факторами чрезвычайно быстрого приобщения японцев к достижениям Запада и превращения «отсталой» страны в одну из ведущих стран мира.

Формирование японской нации

Формирование или, вернее, конструирование японской нации происходит только во второй половине XIX в. До этого времени, находясь в условиях международной самоизоляции, Япония как государственный организм не нуждалась в такой идеологической подпитке. Страна имела название («Нихон» – «Присолнечная страна»), принятое ею в самом начале VIII в., но вопрос об этнической принадлежности ее обитателей почти никогда не вставал. Слово «японец» (нихондзин) впервые фиксируется в XII в. (сборник новелл «Удзи сюи моногатари» – «Рассказы из Удзи»), но в дальнейшем появляется в источниках весьма редко. Однако когда в середине XIX в. состоявшая из отдельных княжеств Япония столкнулась с натиском Америки и европейских держав, где национальные госу-

¹ Цит. по: А. В. Филиппов. 1998. Стостатейные установления Токугава 1616 г.; Он же. Кодекс из ста статей 1742 г. *Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо*. Издательство С.-петерб. университета. Ст. 68: 29.

дарства уже были сформированы, стало понятно, что противостоять им можно только с помощью конструирования более крупного и гомогенного образования – «японской нации». Для достижения этой цели были, в первую очередь, актуализированы древние геополитические идеи, связанные с цивилизующей ролью монарха.

Эти идеи, сложившиеся под прямым влиянием китайской политической мысли, получили распространение в Японии еще в конце VII века. Именно тогда для обозначения верховного правителя стал использоваться астрологический даосский термин *тянь-хуан* (яп. «тэнно»). Он обозначал небесного императора или же Полярную звезду. Тэнно воспринимался верховным божеством даосского пантеона, который пребывает в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый – цвет, маркирующий наибольшую сакральность), откуда он управляет даосскими мудрецами (*чжэньжэнь*) – своими придворными.

Получается, что земной император уподобляется небесному, точно так же, как и его наиболее приближенные придворные – небожителям, образуя собой нечто вроде пантеона. Жители страны облагодетельствованы уже тем, что находятся в сфере действия сакрального и всеблагого энергетического поля императора – поля, которое из дикарей (варваров) превращает их в «настоящих» цивилизованных людей. Основным признаком культурности считалось владение письменным китайским языком (это было одной из главных причин, почему японцы всегда испытывали такой пиетет перед письменным словом). Варварами же являются люди, находящиеся за пределами этого поля. В древности и средневековье считалось, что это корейцы – на западе, племена на островах, прилегающих к Кюсю, – на юге. Поскольку к востоку от архипелага простирается Тихий океан, то было решено, что роль восточных и северных варваров должны исполнять эмиси (или эдзо, предки айнов). Несмотря на некоторые географические несоответствия, те племена, которые жили на северо-восточном побережье Хонсю, приписали к восточным, а обитателей северо-запада – к северным варварам. Сам же император постоянно пребывал в сакральном центре – дворце (начала в Нара, потом – в Хэйане-Киото).

Хотя такая модель не является по сути этноцентричной, она, разумеется, могла быть с легкостью трансформирована в ксено-

фобскую. Непременным условием для проявления такой ксенофобии было наличие императора. Недаром в последние годы существования сёгуната в середине XIX в. получает распространение лозунг «сонно дзёи» («почитание императора и изгнание варваров»), то есть император и ксенофобия попадали в одно семиотическое поле. Безусловно, это еще не национализм, утверждающий, что японцы сами по себе – лучший народ на свете. Логическое построение, скорее, выглядело так: японский император – лучший на свете, а потому счастливы и хороши те люди, которые живут под его рукой. А не будь императора, они не были бы культурны.

Понятно, что в этом построении «народ» не выступает сам по себе как носитель каких-то особых ценностей; он является объектом культуросоносной деятельности императора. Отсюда вытекает и необходимость сохранения и защиты императора его подданными. Уже на этой основе в конце XIX века стали активно развиваться идеи об «особости» японцев. Основными направлениями такого развития были следующие: 1. Япония – земля особая, поскольку там находится император (политический компонент). 2. Япония – земля особая, поскольку там пребывают синтоистские божества (религиозно-мифологический компонент). 3. Япония – это земля особая, поскольку там прекрасный климат и очень красивая природа, созданная синтоистскими божествами и воспетая в поэзии (природно-поэтический компонент). 4. Японцы – люди особые (со своеобразными обычаями, привычками, языком, литературой, живописью, чувством прекрасного), поскольку они живут на такой особенной земле (этнографическо-эстетический компонент). Своеобразие японского пути модернизации заключается, в частности, в том, что она была достигнута не в результате развала и упразднения монархии (как это происходило в Европе), а в результате формального восстановления прерогатив монарха, которых он был лишен при сёгунах.

Особый интерес представляет собой, возможно, эстетическая составляющая национальной самоидентификации. Японская политическая элита того времени осознала, что именно эстетизм может послужить одним из объединяющих начал нации и одновременно «визитной карточкой» Японии на Западе. Разрыв с буддизмом (предпринят государством в связи с его иноземным происхождением)

ем и принципиально наднациональной природой) лишал возможностей для проявления «национальной гордости» в области мыслительных построений; конфуцианские сочинения японских авторов также не отвечали критерию об «исключительности». Научно-техническая мысль Японии, естественно, уступала Западу. Что касается эстетизма, то следует признать действительно выдающиеся достижения японских литераторов (поэтов и прозаиков) и художников. Пропаганда художественного наследия (как внутри страны, так и за рубежом) с помощью организованных правительством музеев и выставок породила настоящий японский художественный бум на Западе, убеждая и японцев в их несомненных эстетических талантах. При этом под воздействием оценок на Западе внутри страны также произошла существенная переоценка своего художественного наследия. Так, значительно выше стали котироваться произведения художников «укиёэ» и прозаические художественные сочинения хэйанского времени. И укиёэ, и хэйанская проза не входили в официальный эстетический идеал периода Токугава, подвергались гонениям и запретам за их «аморальность» и «распутность».

Период Мэйдзи сопровождался активным социальным мифотворчеством. Японцам стали приписывать качества, которые были якобы свойственны им всегда. Главным из таких мифов был миф о культурной и этнической однородности.

Властные отношения

Для организации системы власти в Японии характерно постоянное наличие двух центров власти. Один из них можно определить как ритуально-духовный, другой – как распорядительно-исполнительный. Под ритуальным центром мы понимаем императора (тэнно) и его двор. Династия тэнно не знает перерыва по крайней мере с V в. В роли второго, исполнительного, центра могут выступать различные институты. В древности и раннем средневековье это были наиболее мощные роды (Сога, Фудзивара), главы которых наследственно занимали высшие должности в государственном аппарате и находились с правящим родом в брачных отношениях. С конца XII века и до 1867 года роль распорядительного центра стали исполнять сёгунаты (Минамото, Асикага и Токугава).

Начиная с периода Мэйдзи – правительства и парламент. Соотношение полномочий между двумя центрами бывало различным в различные эпохи, но общая закономерность была одной и той же: император играл ритуальную роль, глава второго института – более практическую.

При императорском дворе возможности социальной мобильности были сведены к минимуму, вплоть до «обновления Мэйдзи» основные должности при дворе занимали потомки аристократов всего пяти родов и после этого, когда состав правящей элиты претерпел в период правления Мэйдзи значительные изменения, многие аристократы продолжали оказывать серьезное влияние на политический процесс. Многие из них вошли в состав верхней палаты парламента, а Коноэ Фумимаро (1891–1945), род которого доминировал на политической арене в IX–XII вв., уже в XX в. возглавлял верхнюю палату парламента (1933–1937), дважды занимал должность премьер-министра (1937–1939, 1940–1941). Состав исполнительного центра также тяготел к наследственности, но тем не менее был все-таки более текучим и подверженным периодической смене.

С самого начала император являлся верховным жрецом синто. Он никогда не выступал в качестве истолкователя догматики, его роль заключалась в соблюдении различных табуаций и участии в религиозных церемониях, в некоторых из них он выступал в качестве главного действующего лица. Эти церемонии могут быть подразделены по своему происхождению на синтоистские, буддийские и конфуцианские, но в реальности все они имели явную тенденцию к слиянию в единый государственно-идеологический комплекс. Тэнно выступает в качестве главного коммуникатора (жреца) между небесным и земным мирами, а не между составными частями подведомственных ему социума и территории. Помимо личного участия в ритуале, тэнно наделен полномочиями по регулированию определенных сторон ритуального поведения; он также может отдавать распоряжения о проведении внеочередных ритуальных мероприятий.

В отличие от Европы церковь в Японии никогда не играла самостоятельной роли в управлении государством, клирики не маркировались как самостоятельная социальная группа. Власть в лице императора или же сёгуна имела практически полный контроль над

синтоистскими и буддийскими институтами, которые считались частью государственных структур. Предполагалось, что они не имеют (не должны иметь) собственных специальных интересов. Даже разрешение на пострижение в буддийские монахи выдавалось соответствующими чиновниками. Высшие духовные лица назначались указом императора, они имели ранги. При этом они не входили в состав высших сановников. Власти не слишком заботились догматические споры между представителями различных школ, но от них строго требовалось, чтобы они были лояльны по отношению к режиму и обеспечивали бы с помощью магических способов (молитв, приношений и ритуалов) благополучие политической элиты и всего государства. Созданная церковью храмово-приходская инфраструктура (это касается как буддизма, так и синто) активно эксплуатировалась государством в своих целях (фискальных и идеологических).

Обеспечение богатого урожая и, значит, благосостояния «народа» (подданных) является одной из основных функций (обязанностей) тэнно. Подобный менталитет свойствен для многих древних обществ и, вполне вероятно, имеет в Японии местное происхождение, но конкретное формулирование обязанностей (ответственности) правителя по обеспечению плодородия, минимизации последствий стихийных бедствий, наносящих ущерб урожаю, сформировалось под прямым китайским влиянием. В китайской политической доктрине предельно ясно выражена идея социальной ориентированности управления. Она имеет свои первичные основания в том, что наряду с природой и природными божествами «народ» – это один из элементов мироздания, содержание которого в гармоничном (упорядоченном) состоянии является первейшим долгом правителя. Поэтому хорош только тот правитель, при котором «народ» благоденствует. Такой подход оказал серьезное влияние на отправление тэнно своих ритуальных и практических функций.

Природные аномалии зачастую объяснялись недостатком запаса энергии-добродетельности (яп. «току», кит. «дэ») у тэнно. В указах тэнно, посвященных различным бедствиям, он обычно принимает на себя ответственность за расстройство баланса природных сил. Способы гармонизации и обуздания природной стихии, а также способы преодоления последствий природных бедствий

имели в Японии как практический, так и ритуальный характер. На случай неурожая в провинциях и уездах в древности были учреждены склады с зерном, усовершенствованию работы которых придавалось очень большое внимание.

Тэнно считался инстанцией, ответственной за контроль над временем. Эта функция правителя тесно связана с функцией по обеспечению урожая. Вслед за китайским «сыном Неба» тэнно считался ответственным за обеспечение «правильного» хода времени (чередования сезонов, дождей и ведро, холода и тепла и т. д.), что считалось одним из главных условий процветания государства.

По китайскому же образцу в начале VIII в. в Японии была введена система девизов правлений, и начало правления каждого нового тэнно непременно сопровождалось введением нового девиза, который представляет собой род заклинательного благопожелания, фиксирует благоприятное знамение (так Небо дает знать о несравненных достоинствах правителя) или выдвигает некую «программу» правления, сформулированную в терминах морали или историософии. Одному правлению не обязательно соответствовал один девиз – в силу различных обстоятельств (как благоприятных, так и неблагоприятных) девиз правления мог меняться во время нахождения тэнно на троне. При этом, в отличие от Китая, названия японских девизов правления делают акцент не на неких грандиозных космическо-государственных обновлениях или изменениях (вроде перехода «мандата Неба» к новой династии), но уделяют намного больше внимания идее преемственности по отношению к прошлым правлениям (например, путем сохранения одного из иероглифов прошлого девиза) и сохранению существующего положения вещей², что осмысливается как абсолютное благо. Еще одной областью, в которой четко выявляется функция тэнно как «хозяина» времени является составление летописей – все они составляются специально образованной комиссией (состояла из высших придворных-чиновников) по высочайшему указу.

Несмотря на то, что в средневековые распорядительные полномочия тэнно имеют стойкую тенденцию к сокращению, обладавшие огромной властью сёгуны не сумели лишить тэнно его риту-

² Токоро Исао. 1992. Нэнго-но рэкиси. Токио: 11.

альных полномочий. Моления о благополучии страны, о богатом урожае, об избавлении от природных бедствий по-прежнему возносились от имени императора. Переименование эр правления также входило в его компетенцию.

С «обновлением Мэйдзи» решительного расширения распорядительных полномочий тэнно тоже не произошло, хотя правящая элита пыталась представить его как абсолютного монарха. Вместе с тем ритуально-церемониальные функции императора были теперь открыты для широкого обозрения (раньше ритуальная деятельность тэнно была абсолютно скрыта от глаз «народа»). При этом в значительной степени они приняли другие формы. Император не только отправлял «тайные» ритуалы – теперь он участвовал в парадах, появлялся в местах массового скопления зрителей (театр, цирк, ипподром), став для своих подданных, по примеру европейских монархов, объектом для визуализации. За счет этих церемоний осуществлялось его главное предназначение – быть символом страны и нации, объединяющим началом. Зафиксированное в нынешней конституции определение императора как символа японского народа призвано служить тем же самым целям.

Вряд ли нужно еще раз повторять, что верховный правитель – фигура, по определению, сакральная. Японская традиция не является в этом смысле исключением (если таковые вообще возможны). Однако формы и методы сакрализации в разных культурах весьма отличаются друг от друга, что обусловлено реальным соотношением политических сил, которые используют в своих целях имеющиеся в культуре дефиниции (культурную «предрасположенность» к тем или иным дефинициям). Самое непосредственное влияние на процесс сакрализации монарха оказывают господствующие в данной культуре представления о божестве (божествах) и божественном, поскольку в любой культуре сакрализация правителя идет в значительной степени по пути уподобления его божеству («тленный бог», «живой бог», «явленный бог», «земной бог»).

В процессе сакрализации монарха японская культура практически отвергает буддийские представления о всемогущих (или по крайней мере очень много могущих) буддах и бодхисаттвах. Достижение «божественного» статуса японского правителя было обеспечено в большей степени с помощью даосско-конфуцианского и

синтоистского инструментариев. При этом первоначальная легитимность обосновывается с помощью мифа синто, а технология поддержания легитимности обеспечивается, прежде всего, даосско-конфуцианским и синтоистским комплексами (при этом следует помнить, что в силу ориентации синто на кровнородственные связи его потенции по управлению территориальными единицами являются ограниченными).

Уместно заметить, что божество (ками) синто – это существо, которое по своим сверхъестественным потенциям отнюдь не равняется всемогущему богу монотеистического (христианского) типа. Это божество является локальным (то есть его власть распространяется на строго ограниченную территорию); его почитают только члены кровнородственной (или псевдородственной) общины, которая имеет потенциальную возможность расширяться только до размеров населения страны (в связи с этим в деятельности тэнно ослаблен такой присущий всем мировым религиям мотив, как императивное приобщение «неверных» к «истинной» религии). Кроме того, божество-ками не является всеблагим.

Сакрализация тэнно происходила в значительной степени за счет минимизации его публичных и физиологических функций (соответствовало китайской концепции недеяния – увэй), что выводило его за пределы «зрения» подданных, за пределы шкалы этических оценок. Это была своего рода неподсудность, но она достигалась не столько за счет того, что никакое действие тэнно не подлежит суду, а за счет того, что он (в пределе) не производил никаких произвольных действий, которые могли бы быть оценены. Одной из основных характеристик тэнно было пребывание в сакральном центре (столице, дворце), то есть его пространственный статус оставался неизменным.

Усекновение публичных функций тэнно было настолько радикальным, что мы не имеем практически никаких данных для реконструкции народных представлений о тэнно. «Нежелание» и невозможность культуры обсуждать личности тэнно и давать им оценки чувствуется и в настоящее время. «Дзинбуцу сосё» («Собрание рассказов о выдающихся людях») – аналог отечественной серии «Жизнь замечательных людей» – насчитывает в настоящее время более двухсот томов. И только два из них посвящены тэнно. При-

чем оба они повествуют о правителях глубокой древности – Дзито (690–697) и Камму (781–806). В таком подходе, безусловно, сказывается и минимизация функций тэнно, делающего их принципиально малоподходящим объектом для жизнеописаний.

«Действенные», обладающие огромными распорядительными полномочиями режимы сёгунатов (Минамото, Асикага, Токугава) рушились, а «бездеятельная» императорская династия, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в политическом устройстве Японии после «обновления Мэйдзи» и после сокрушительного поражения во Второй мировой войне, не прервалась, институт упразднен не был (можно сказать, что такая возможность и не обсуждалась сколько-то широко), а само положение тэнно фактически не претерпело принципиальных изменений по сравнению с древностью и средневековьем – он по-прежнему остается фигурой глубоко семиотически значимой, и нынешняя конституция страны определяет его в качестве символа страны и народа, сохраняя и реализующая «склеивающие» социальные потенциалы тэнно.

Главные тексты японской цивилизации

Важнейшие для японской цивилизации тексты являются продуктом трех традиций: синто, буддизма и конфуцианства. В реальности эти традиции сосуществовали по преимуществу в виде единого комплекса, малорасчлененного на составные части. Дело в том, что эти учения обслуживали разные сферы жизни государства, общества и индивида. И хотя временами представители этих трех учений вступали в полемику, ее острота далеко уступает аналогичным дискуссиям в Китае или же Европе, и ни одно из указанных учений не достигло в Японии окончательного превосходства и самодостаточности: попадая в различные ситуации, «средний» японец попадал в семиотическое поле разных учений и вытекающих из них ритуалов и практик.

В Японии фактически отсутствовало понятие о религиозной ортодоксии, ни за одним из религиозных учений не было закреплено статуса «единственно верного». Та или иная школа могла пользоваться большей популярностью при дворе императора или сёгуна, но другие школы запрещению или же преследованию, как правило, не подлежали. Ситуация меняется только в период Мэйдзи,

когда в связи с формированием официальной националистической идеологии на основе синто было предпринято «отделение синто от буддизма», сопровождавшееся разрушением буддийских храмов и статуй.

Концепция синто о неразрывной связи времен явилась одной из важнейших для японской цивилизации. Главной единицей времени в ней является «поколение» (сначала божеств, а потом и императоров). При этом поколение осмысляется не как разделяющая, а как соединяющая единица. Императорам принято присваивать порядковый номер, который вводит каждого из них недискретную последовательность. Примат аристократизма, наследственности любых занятий вообще сделались отличительной особенностью японской культуры и стиля исторического существования этноса. Средневековые мыслители (например, Китабатакэ Тикафуса) выделяли Японию из других стран именно по признаку непрерывности ее государственного времени, утверждая, что в отличие от Китая, Кореи и Индии только в Японии правящая династия не знала перерыва. В связи с этим история Японии представляет собой пример эволюционного, а не революционного типа развития. Изменения там имеют шанс на успех только тогда, когда они «маскируются» под традицию. Так, собственно говоря, и произошло во время «реставрации (обновления) Мэйдзи», когда революционные по своей сути преобразования проходили под лозунгом восстановления власти императора.

Несмотря на то, что синто (по сравнению с буддизмом и конфуцианством) является продуктом «незрелых» общественных и мыслительных отношений, он не был поглощен ни идейно, ни организационно. Более того, после «обновления Мэйдзи» правящие круги страны сумели использовать синто в качестве основы официальной идеологии, превратив синто в государственную религию, главным жрецом которой оставался император. Именно синто, его мифы и ритуалы, в центре которых стоял император, сыграли в это время роль основного инструмента по конструированию японской нации.

В то же самое время следует иметь в виду, что установки синто на преемственность подкреплялись китайскими по своему происхождению концептами, связанными с важностью исторического

прецедента. Так, в частности, идея летописания и ее текстовое оформление происходили под прямым материковым влиянием. Китайский исторический и квазиисторический материал служил для японских мыслителей неисчерпаемым резервуаром, из которого они черпали примеры для подтверждения своих построений и обоснования тех или иных поступков.

Что касается собственно настоящего времени, то здесь доминировал язык описания, выработанный конфуцианством (мы употребляем термин «конфуцианство» не столько для обозначения учения самого Конфуция, сколько для весьма синкретичной идеологической и этической системы, которая сложилась при значительном участии даосизма и других философских учений китайского происхождения). Особенно активно понятийный аппарат конфуцианства стал использоваться государством начиная с VIII в., когда были созданы государственные школы чиновников в столице и в провинциях, где основу обучения составляли классические произведения конфуцианского канона. Конфуцианство моделировало государство и общество по принципу семейных отношений, придавало им жесткую иерархичность, актуализировало проблему долга, с помощью ритуалов и церемоний вырабатывало нормативное поведение (в особенности это касается чиновничества). Китайский литературный язык, осмыслявшийся как носитель конфуцианских ценностей, на многие века сделался «государственным языком» – в том смысле, что почти вся официальная документация велась именно на китайском. Влияние конфуцианства на устройство государственной жизни в разные периоды бывало разным, но не подлежит сомнению, что законодательство, чиновничий аппарат, этические отношения в Японии испытывали его постоянное влияние. Особенно значительное распространение этические нормы конфуцианства (неоконфуцианства) получили при сёгунате Токугава.

В то же самое время необходимо отметить, что усвоение конфуцианства было выборочным. Так, главная идея китайской историософии – «мандат Неба», в соответствии с которой правящая династия с неизбежностью растрчивает имевшийся у нее вначале запас добродетельности-дэ (яп. «току») и подлежит смене, после некоторого периода колебаний была в Японии отвергнута. То есть

конфуцианству все-таки не удалось преодолеть абсолютную установку синто на преемственность.

Будущее время осмыслялось, прежде всего, с помощью буддийского понятийного аппарата. Ни синто, ни конфуцианство не делают специального акцента на эсхатологии и будущем времени. Буддизм, который получает распространение в Японии с середины VI в., поначалу широко привлекался для строительства государственной идеологии в качестве объединяющего начала, противопоставляемого до определенной степени локальным культам синто. Пик «государственного буддизма» приходится на середину VIII в. Однако уже с конца VIII в. его роль в этом отношении ослабевает, поскольку аристократия после попытки государственного переворота, предпринятого в 60-х годах этого века монахом Докё, стала видеть в буддизме угрозу своему наследственному положению. С основанием сёгуната Камакура (Минамото) в конце XII в. роль буддизма в государственной идеологии снова возрастает, и дзэн-буддизм вплоть до основания сёгуната Токугава становится религией военного сословия самураев (буси).

Несмотря на различную роль буддизма в разные периоды японской истории, его влияние на определение посмертной судьбы отдельного человека ощущалось постоянно. Концепции рая и ада, посмертного воздаяния разрабатывались в Японии почти исключительно буддийским духовенством (особенно велика была в этом отношении роль школ амидаизма). Недаром буддийский погребальный ритуал (кремация) вытеснил синтоистский (погребение в земле) практически полностью.

Важнейшую роль в японской культуре играли поэтические тексты, которые обладали чрезвычайно высоким статусом. Считалось, что первое стихотворение в форме танка было сочинено богом Сусаноо еще в мифические времена. В средневековье поэтические антологии (всего их насчитывается 21) составлялись по императорскому указу³, при государевом дворе проводились поэтические

³ На русский язык переведены две из них: Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии / пер. А. А. Долина. СПб.: «Гиперион», 2001. Синкокинсю. Японская поэтическая антология в двух томах / пер. И. А. Бороной. М.: «Coral Club International», 2000.

турниры⁴. Умение сочинять стихи было неперенным условием воспитания аристократов. Многие императоры прославились как поэты. Считается, что император Мэйдзи за свою жизнь сочинил более 100 тысяч (!) танка.⁵ Хотя это утверждение можно считать за преувеличение, весьма показательным, что оно касается именно поэзии – превращенной формы речи богов.

В средневековье широчайшее распространение получил также жанр хайку, который считался более «простонародным» и демократическим.

Японская поэзия посвящена двум главным темам: любви (танка) и природе (танка и хайку). Любовная тематика восходит в конечном итоге к культуре плодородия, моделирует креативные потенции синтоистских божеств.⁶ Природный цикл берет свое начало в сельскохозяйственной обрядности и культуре плодородия. Вместе с тем мы имеем дело уже с превращенными, эстетизированными формами, где доминирует эстетика печали и расставания, совершенно не свойственная для народных культов. Как в любовном, так и в природном суперциклах особый акцент делается на идее изменчивости и преходящести. Главным способом показа явления было рассмотрение его изменений во времени. Идеальным объектом для такого рода эстетики является растительный мир (фиксированное место в пространстве и циклический процесс расцвета и увядания растения). При этом основное внимание уделяется увяданию. Сочинитель же в идеале должен быть неподвижен (в особенности это справедливо для сочинителя танка), он – наблюдатель, внимательно следящий за тем, как «истирается о время» и изменяется окружающий его природный мир.

Поэтика расставания и увядания до сих пор является ведущей даже в произведениях массовой японской культуры (эстрада, кино, литература и пр.). Она явлена, в частности, в том «повышенном»

⁴ Утаавасэ. Поэтические турниры в средневековой Японии / пер. И. А. Борониной. СПб.: «Гиперион», 1998; Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведенный в годы Кампё (889–898) во дворце императрицы / пер. А. Н. Мещерякова. М.: «Наталис», 2002.

⁵ Donald Keene. 2002. Emperor of Japan. Meiji and His World, 1852–1912. Columbia University Press, New York: XII.

⁶ Подр. см.: Мещеряков, А. Н. 1996. Любовный код раннеяпонской культуры. *Невербальное поле культуры. Тело, вещь, ритуал*. М.: РГГУ: 5–9.

внимании, которое уделяют ее творцы темам несчастной любви, болезням своих героев, которые столь часто изображаются на больничной койке на пороге смерти. Задача писателя – «изолировать» героя (поместить его в больницу, ящик, камеру, пещеру, яму, скрыть лицо маской), поставить его в ситуацию, когда он находится наедине с самим собой и способен без всяких помех предаться размышлениям и воспоминаниям. Малая пространственная активность персонажей японской прозы приводит к тому, что она лишена (на европейский вкус) фигуры полноценного «героя», основным параметром которого является двигательная активность.

Японская поэзия характеризуется также своеобразным методом порождения. Оно должно быть спонтанным, обычно – устным, часто – коллективным (обмен стихами между влюбленными, поэтические турниры, стихотворная переписка, сессии сочинителей хайку), что накладывает отпечаток и на прозу, характеризующуюся, в частности, ослабленным сюжетом. Кисть японских прозаиков очень часто «бежала» впереди «продуманной» мысли (см., в частности, эссеистический жанр дзуйхицу – «вслед за кистью»). То есть к традиционной прозе также в полной мере применима характеристика «бесчерновиковости».

Практика и эстетика малого

Ограниченность мира, в котором реально обитали все японцы и каждый из них в отдельности, привела к тому, что их достижения, признанные всем миром, связаны, прежде всего, с малыми формами (включая и продукты современного научно-технического прогресса), требующими точного глазомера, умения оперировать в малом пространстве, приводить его в высокоупорядоченное состояние. Легкость, с которой японцы овладели цивилизационными достижениями Запада, обусловлена, среди прочего, и тем, что процедура тотального измерения (с которой, начиная с Нового времени, тот связал свое экономическое и бытовое благополучие) была освоена японцами очень давно и прочно, что, в частности, находит свое выражение в крайне разработанной шкале измерений с удивительно малой для «донаучного общества» ценой деления. Известный всему миру перфекционизм японцев порождает, в частности,

давнее и воплощенное в каждодневной деятельности стремление к точности измерения.

Высокая плотность населения, теснота проживания способствуют формированию специфического взгляда на мир, весьма отличного от того, которым обладают «равнинные» этносы, которым природные условия позволяют расселяться более вольготно. Общая тенденция к миниатюризации (которая прослеживается во всех областях жизнедеятельности – начиная от поэтических форм и кончая искусством выращивания карликовых растений – «бонсай») отмечается многими исследователями японской культуры. Современные технические и дизайнерские решения вряд ли нуждаются в дополнительном комментировании. Увлечение масштабным было свойственно японцам лишь на ранней стадии становления государственности (гигантские погребальные курганы, буддийский храм Тодайдзи в Нара – крупнейшее в мире деревянное сооружение с самой большой в мире бронзовой статуей и т. д.). Даже японский эпос, стадийно склонный, как известно нам из других традиций, к гипертрофированному изображению событий, не демонстрирует в Японии особой страсти к сильным преувеличениям.

Если характеризовать японскую культуру через зрительный код, то ее можно назвать «близорукой» (в отличие от «дальнорукости» равнинных народов, в частности, русских): она лучше видит, а человек, ей принадлежащий, – лучше осваивает ближнее, околотелесное пространство. Одежда, дом, сад – вот что обустроивали японцы. Что же касается освоения пространства дальнего, то здесь эти культуры меняются местами. Японская культура как бы всегда смотрит «под ноги», и стратегическое мышление, мышление абстрактное, философское, взгляд на мир «сверху», освоение дальних пространств и просторов (как практическими, так и символическими методами) никогда не были сильными сторонами японцев. Японское культурное пространство – это, скорее, пространство «свертывающееся», нежели имеющее тенденцию к расширению. Поэтика первопроходцев, пионеров была в общем и целом японской культуре чужда.

Свое законченное и даже «экстремистское» выражение минималистские подходы находят выражение в «эстетике невидимого», согласно которой основные смыслы заключены не в явленном, а в

сокрытом. Это касается и поэзии, где слова – лишь намек на общую картину, и прозы. Подобные построения, где «интервал» или же «белое пятно» является необходимым условием построения произведения, характерны для японской музыки («пауза важнее самого звука») и живописи (признаком «правильного» изображения объекта считается его частичная репрезентация). Такие произведения превращают зрителя в со-творца.

Может показаться, что такая «пустотность» или же «разреженность» текста является следствием буддийской концепции пустоты (шуньята), в которой, по определению, уже содержится все богатство феноменального мира. Но это не совсем так. Истоки такого подхода, видимо, имеет смысл искать в «иконографии» синто – там наиболее важные для поклонения объекты должны быть сокрыты от взоров и сглаза. Поражающая всех иностранцев разработанность японской «оберточной культуры» (тщательнейшее сокрытие подарка под многослойными покровами из бумаги и материи) произрастает из того же корня.

Далеко не случайно поэтому, что спорадические попытки японцев к пространственной экспансии всегда заканчивались неудачами. Крупнейший стратегический провал ждал Японию и при вступлении ее во Вторую мировую войну, когда было принято фатальное решение о нападении на Перл-Харбор. И это в то время, когда японская армия прочно увязла в необъятном Китае! И дело здесь не в природной «глупости» руководства страны, а в его в буквальном смысле этого слова «недальновидности», то есть культурно обусловленной неспособности оперировать невиданными до сих пор геополитическими масштабами.

Личность

В японской культуре отсутствует тенденция, которая столь ярко проявлена в европейской культуре – тенденция к самообожествлению человека. Человек не считается ни венцом творения, ни мерой всех вещей. Подавляющее большинство школ японского буддизма разделяют убеждение, что природа Будды наличествует в каждом человеке, животном и даже растении. Только при таком подходе могли появиться предания о деревьях, которые достигли состояния Будды. Таким образом, граница между миром людей и

остальным миром, между природным и человеческим, между одушевленным и неодушевленным не является столь непроницаемой, как на Западе. Здесь видно влияние не только буддизма, но и синто с его политеизмом. Камо Мабути, ведущий идеолог синто, писал в 1765 г.: «Другая дурная привычка китайцев заключается в том, что они отделяют человека от животных, превознося человека и презирая остальное... Разве не все существа, обитающие между Небом и Землею, не ничтожны? Почему только человек должен считаться сокровищем? Что в человеке особенного?»

Для японского типа личности характерна очень высокая степень рефлексии. Однако самоанализ направлен не столько на осуществление собственных желаний, сколько на то, чтобы подавить их и более адекватно вписаться в социальную структуру, занять свое функциональное место в групповой иерархии. Человек оценивается, прежде всего, не по успеху, а по тому, как он исполняет свою социальную роль (в семье, общине, профессиональной группе, государстве) – норма, закрепленная и терминологически оформленная под влиянием конфуцианства. То есть человек в значительной степени оценивается не с точки зрения результата, а с точки зрения степени вовлеченности в процесс.

Однако не раз подмеченная исследователями склонность к групповому поведению отнюдь не означает нивелирования личности и ее «примитивизации», о чем свидетельствует, в частности, весь корпус японской литературы. Скрупулезная разработка тончайших душевных движений видна по крайней мере с периода Хэйан. Европа этого времени не знает адекватных аналогов произведениям Мурасаки Сикибу («Повесть о Гэндзи», «Дневник»), Сэйсёнагон («Записки у изголовья»), Кэнко-хоси («Записки от скуки») или безымянного автора «Путаницы» («Торикаэбая моногатари»). Одним из ярчайших проявлений тенденции к объективированию внутреннего мира является существенный литературный пласт поджанра «я-повествования» (ватакуси сёсэцу), который в повествовании от первого лица во главу угла ставит исследование внутреннего мира автора (поздним аналогом этого типа литературы на Западе становится литература «потока сознания»). Современная массовая литература тоже в целом подтверждает склонность героя не к действиям, а к самоанализу.

Вместе с тем необходимо отметить, что в японской литературе конфликт между интересами личности и группы занимает одно из центральных мест. При этом нормативным выходом из этой ситуации является сознательный, отрефлексированный выбор в пользу группы, символическим заменителем которой часто служит ее лидер (глава семьи, соседского или профессионального объединения, государства).

Согласно синто, каждый человек (при условии наличия у него детей) получает со своей смертью статус «предка» и становится объектом поклонения. Решительный акцент, поставленный японским буддизмом на возможности достичь просветления «в этом теле», в значительной степени объясняется именно этой установкой синто. В связи с этим следует заметить, что влияние синто на все области духовной жизни остается, на наш взгляд, недооцененным. Это объясняется тем, что текстовая деятельность протекала в Японии преимущественно в терминологических и организационных рамках буддизма и конфуцианства. Тем не менее основные установки синто, даже и не облеченные в письменную форму (синто не является религией с упором на письменные тексты, а традиция в значительной степени передается устно), сыграли чрезвычайно существенную роль в деле формирования и развития японской культуры. В своем «телесном» измерении ритуал представляет собой строго фиксированную последовательность действий, жестов, поз и дискурса. Озабоченность верной передачей ритуала сказалась на повседневном поведении японцев, для которого свойственна высокая степень церемониальности, формализованности и упорядоченности. При попадании в ситуацию, в которой поведение, то есть строгая последовательность действий, не было определено (известно) заранее, такой тип личности оказывается зачастую беспомощным.